

«УЧАСТИЕ» ЭТНОИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ МОДУСОВ В ГОМОГЕНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ

***Аннотация.** Статья посвящена осмыслению сущностно-структурных ниш гомогенизации политической культуры современного российского общества в ходе политико-управленческого, партийно-политического, электорально-избирательного процессов. Гомогенизация политической культуры определяется как центрирование и проецирование консолидирующих идейно-доктринальных, политико-правовых и политико-организационных принципов, отвечающих гражданским запросам российского общества и инициирующих публичную политическую активность граждан. Актуализируются этноидентификационные модусы политической культуры полиэтничной российской гражданской нации. Выявляются принципы, целевые группы, субъекты, носители, а также техники и технологии воплощения этноидентификационных модусов сообществ Северо-Кавказского федерального округа.*

***Ключевые слова:** российская гражданская нация, гомогенизация политической культуры, этноидентификационный модус.*

«PARTICIPATION» OF ETHNO-IDENTIFICATION MODES IN THE HOMOGENIZATION OF THE POLITICAL CULTURE OF THE RUSSIAN CIVIL NATION

***Annotation.** The article is devoted to understanding the essential and structural niches of the homogenization of the political culture of modern Russian society in the course of political-managerial, party-political, electoral processes. The homogenization of political culture is defined as the centering and projection of consolidating ideological and doctrinal, political-legal, and political-organizational principles that meet the civil demands of Russian society and initiate public political activity of citizens. The ethno-identification modes of the political culture of the multiethnic Russian civil nation are updated. The principles, target groups, subjects, carriers, as well as techniques and technologies for implementing*

АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташесовна — кандидат исторических наук, доктор политических наук, доцент, профессор, директор Научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права ФГБОУ ВО «Пятигорского государственного университета», г. Пятигорск

the ethno-identification modes of the communities of the North Caucasus Federal District are identified.

Keywords: *Russian civil nation, homogenization of political culture, ethno-identification mode.*

Политическая культура в системе категоризации политических процессов

Несмотря на впечатляющие и признанные концептуальные достижения института политической культуры, его феномен в том, что со временем он не утрачивает свое значение, проблемные вопросы в этой сфере не уходят на второй план, по-прежнему оставаясь на передовой линии научной мысли и имея первостепенное значение для исследователей. Они поддерживаются самой современной дискретной и «разбегающейся» политической действительностью в ее динамике, проблемах и противоречиях [1]. Политическая аналитика закономерно отражает многие тенденции развития политической системы, политического режима и политического управления в современной Российской Федерации [2, с. 106–128].

Политическая система России, как демократического, правового, социального государства, предоставляет гражданам основы, права и возможности для свободного партийно-политического структурирования, политического волеизъявления, делегирования своих интересов на все уровни власти и управления. Доктрины и практики российской политической культуры эволюционировали параллельно с общей эволюцией партийного строительства, которая также прошла несколько этапов содержательно-программного и организационно-форматного институирования.

Законодательство о политической системе, политических партиях, выборах развивалось в направлении обеспечения демократического процесса и максимальной оптимизации партийно-политического участия граждан. Во-первых, система российского избирательного права и избирательных технологий, а также электорального менеджмента, сложившаяся в постсоветский период, соответствуют международным стандартам структурирования, программирования и элевирования политических интересов [3, с. 159–173]. Во-вторых, общие принципы российского электорально-избирательного процесса, если рассматривать его в широком общественно-политическом и социокультурном преломлении, соотносятся с общепринятыми эталонами традиционной культуры и этики российского общества как «младодемократического» и «младогражданского». *В этом плане отметим известную подмену публичных гражданско-общественных ценностей, продуцентом которых должно быть гражданское общество, публичными властно-бюрократическими ценностями, продуцентом которых выступает государство.* Такая подмена с 2010-х годов, на наш взгляд, является иллю-

страцией того, как на практике выглядит движение «от административной к партнерской модели» в отношениях государства и гражданского общества [4, с. 49–63].

Содержание и формы политической культуры российской гражданской нации испытывают на себе непосредственное влияние новаций политики и права последнего десятилетия, которые подверглись категоризации [5, с. 7–24]. В данной номенклатуре следует отметить наращение репутационного капитала России как независимого и влиятельного субъекта международного права; легитимацию самого института власти, субъектов власти и политической элиты; политическое стягивание регионов вокруг федерального центра и усиление его волевого и административного присутствия в субъектах Российской Федерации. Необходимо выделить вертикализацию власти и персонифицирование ее в лице Президента России; форматирование государственно-гражданского и государственно-частного партнерства в рамках суверенной демократии и регламентированной публичной политики; упрочение гражданской идентичности при сохранении этнокультурного многообразия общества.

Политическая культура российской гражданской нации как производная от представительной демократии развивается в соответствии с потребностями как граждан, так и государства. В 2020 году существенный вклад в сущностные и формальные аспекты социо- и культурно-политического структурирования внесен в ходе всенародного голосования за поправки в Конституцию Российской Федерации, которые имели не только социальный, но и программно-политический, политико-управленческий характер [6]. Предложения Президента В.В. Путина по уточнению и дополнению некоторых статей Конституции непосредственно или опосредованно относятся к смыслам политической культуры россиян [7, с. 119–209].

Правовые и доктринальные основы политической культуры граждан обуславливают дальнейшее упрочение российской политической системы. Ее суверенный характер, как и суверенный характер российской демократии и российского гражданского общества, определяется многими, исключительно отечественными историко-культурными, общественно-политическими детерминантами и факторами. Они нашли свое формализованное выражение в статьях Конституции об отсутствии обязательной государственной идеологии, многопартийности, общественных объединениях, а также о правах граждан на свободу мысли и слова, объединения, собрания, митинги, шествия, пикетирования и так далее. Здесь в общий феноменологический и институциональный нарратив вплетается проблема «свободы идеологии», «невежества идеологии», а также, мы бы добавили, и свободы от идеологии [8, с. 140–143]. *Однако отсутствие обязательной государственной идеологии не есть отсутствие идеологии общества,*

которое в ходе коллективного исторического творчества вырабатывает общественную идеологию, чаще всего интерпретируемую в патриотических категориях. Отсутствие обязательной императивно-государственной идеологии, которая могла бы внедряться административно-бюрократическими методами, компенсируется формированием объединяющей патриотической идеологии современного российского общества.

Из общепринятых уровней политической культуры — познавательного, нравственного и поведенческого — россияне более всего определяют на нравственном уровне, соотнося политическую культуру не просто с политикой, а с «честной» политикой. Она воссоздается в коллективном сознании в таких категориях, как справедливость, правда, свобода, а также сильная и праведная власть. Здесь просматриваются попытки увязать современные политические доктрины (как консервативно-охранительные, так и либерально-демократические) с религиозными идеалами и догмами православия и ислама. *Политическая культура российской гражданской нации структурируется в некий конгломерат, прежде всего, зависимо-подданический (министералитетный), патриархально-приходской, и в меньшей степени — деятельностно-партиципаторный, что проявляется в электоральном поведении россиян.*

Гомогенизация политической культуры российской гражданской нации

При сохранении демократических основ функционирования российского общества федеральный центр, как центр сосредоточения власти, управления и политики, стремится обеспечить определенную *гомогенизацию политической культуры российской гражданской нации*. Она предусматривает объединение население страны и в цивилизационно-культурном, и в гражданско-политическом плане, что соответствует вызовам времени и пространства, отраженным в современных доктринальных документах Российского государства.

К гомогенизации политической культуры российской гражданской нации есть веские идейно-мировоззренческие и организационно-управленческие объективные и субъективные основания, воплощенные в политических институтах, процессах и технологиях. Объединение граждан перед современными экономическими, финансовыми, политическими, эпидемиологическими угрозами и в противовес санкциям в отношении России со стороны США, а также стран ЕС, выступает важнейшим фактором упрочения государственного суверенитета.

Оговоримся, что под гомогенизацией политической культуры россиян мы понимаем вовсе не ее бюрократическое «спрямление и дисциплинирование» и, тем более, не императивное сужение веера возможностей полити-

ческого выбора и политического функционирования в интересах бюрократического класса. *Гомогенизация политической культуры определяется как центрирование и проецирование консолидирующих идейно-доктринальных, политико-правовых и политико-организационных принципов, отвечающих гражданским запросам российского общества и иницилирующих публичную политическую активность граждан.*

Гомогенизацию политической культуры россиян, вероятно, можно рассматривать как масштабный политико-управленческий проект, который, однако, должен проводиться без ортодоксальной и волюнтаристской бюрократизации, хотя искушение использования таковой велико. Тем не менее, практика постсоветского партийного строительства и функционирования партий, а также организации электорально-избирательного процесса, как определяющих стержней политической культуры российского общества, свидетельствует о постепенной катализации административно-бюрократического ресурса в конструировании современной российской политической реальности [9].

При многочисленных проблемах и противоречиях современности неизменным стремлением граждан является упрочение позиций России как великой цивилизации и великой державы, сохранение и приумножение ее суверенитета, восстановление исторических территорий (прецедент Крыма и крымский консенсус), поддержка соотечественников за рубежом и расширение сферы «русского мира» и русского языка как «мягкой культурной силы» [10]. Это тем более важно, что гомогенизация политической культуры российской гражданской нации крайне равнодушно воспринимается субъектами международного права, — как союзниками и сторонниками России, так и ее оппонентами и конкурентами.

Стержнем гомогенизации политической культуры российской гражданской нации выступает осознанная и добровольная гражданско-политическая идентификация населения, результирующим (но не конечным) итогом которой является российская гражданская идентичность как социокультурный феномен, а также и как политический институт [11]. К феноменологическим и институциональным основам политической культуры российской гражданской нации необходимо отнести гуманизм, коллективизм, верность Отечеству, готовность к ограничению личных интересов во имя общегосударственного блага [12, с. 11–19].

Данные основы широко транслируются федеральным центром в трендах политического стратегирования и программирования. Также эти основы, как понятные и разделяемые населением базовые принципы, эффективно постулирует Президент страны в рамках выстраивания целевого общественно-политического дискурса и с политическим классом и управленческими элитами, и с рядовыми гражданами.

В связи с этим обозначим приемлемые (реальные и желаемые), на наш взгляд, политико-управленческие технологии, которые оправдали себя в гомогенизации политической культуры граждан России:

- сохранение демократических начал в отношениях государства и общества через систему общественных палат, консультативных советов, уполномоченных по правам человека, «фабрик мысли», общественного контроля в пространстве публичной политики и в то же время через систему ограничений иностранных агентов, ангажированных субъектов третьего сектора;
- структурирование общенационально ориентированной клиентелы и цивилизованного лоббизма в смягчении издержек вертикализации и персонифицирования власти в условиях суверенной демократии и суверенного гражданского общества;
- упорядочение техник электорально-избирательного процесса в направлении открытости, прозрачности и использования новых технологий при максимальном сближении позитивного и ответственного функционирования власти, партий, общественных организаций, граждан;
- обеспечение достоверности и привлекательности программ политических партий, действий политической элиты для повышения эффективности партийно-политического процесса, а также коэффициента полезности партийных лидеров, функционеров в достижении интересов электората, что особенно значимо в ходе выборной кампании 2021 года;
- акцентирование социального курса в деятельности органов власти и управления и максимальное приближение их функционала к решению насущных проблем населения, тяжесть которых мультиплицирована, как пандемией, так и антиковидными ограничениями, негативно воздействующими на социально-экономическую инфраструктуру и социальное самочувствие населения;
- усиление гуманистических основ общественного согласия в государственно-гражданском партнерстве для решения проблем отдельных групп населения, через решение острых социальных проблем (бедность, безработица, рост смертности, падение рождаемости, низкий доход);
- поддержка социально-ответственного бизнеса, ресурсных центров, бизнес-инкубаторов, школ актива и лидеров, низовых местных инициатив и местных проектов, общественно-полезного добровольчества для повышения эффективности институтов гражданского общества в самоорганизации, ауторсинге, коучинге, проектировании.

На современном этапе гомогенизация политической культуры российской гражданской нации концентрируется вокруг нескольких рельефных стержней как позитивной, так и негативной коннотации.

Среди первых можно назвать повышение авторитета России на международной арене, упрочение ее суверенитета, нейтрализация многих вну-

тренних угроз (терроризм, экстремизм, сепаратизм), совершенствование нормативно-правовых основ эволюции российского общества, а также вертикализация власти и персонализация ее в лице Президента не только как главы государства, но и как национального лидера.

Ко вторым относятся низкая общественная и политическая активность населения, режимность партийного строительства, электоральная «апатия», неэффективность функционирования политических партий и партийно-политической элиты, а также множественные явления коррупции и криминала в эшелонах государственной власти и местного управления.

Несмотря на многочисленные проблемы, граждане России сохраняют традиционную эмоциональную и рациональную привязанность к отечеству, к «малой родине», уважение к федеральному центру, прежде всего, к главе государства. Здесь отметим, что авторитет главы государства выступает существенным фактором гомогенизации политической культуры граждан, что подтверждено на президентских выборах 2012 и 2018 годов. Во многом политическая культура граждан «оживляется» в ходе прямых пресс-конференций главы государства, которые максимально сокращают дистанцию между властью и гражданами. Непосредственные ответы В.В. Путина на вопросы граждан — представителей разных регионов, разных социальных групп, разных поколений — имеют не только практический, но и символический смысл для гомогенизации политической культуры, которая актуализируется как реакция на послания Президента Федеральному Собранию Российской Федерации. К тому же они имеют все более социальный «народнический» характер и атрибутированы в категориях «сбережения народа России как высшего приоритета» [13].

Региональные модусы гомогенизации политической культуры российского общества

В России из-за ее географических особенностей собственный интерес представляют локальные модусы гомогенизации политической культуры региональных сегментов гражданской нации, в том числе, Северо-Кавказского федерального округа (СКФО).

Политическая культура сообществ СКФО имеет собственные внутренние модусы гомогенизации, которые монтируются с разной степенью успеха с аналогичными модусами российской гражданской нации. Здесь на передний план политической аналитики стоит вывести наиболее выпуклые социально-сущностные (практически примордиальные), а также и экспериментально-привнесенные (инструменталистские и конструктивистские) модусы, которые определяют формирование и трансляцию политической культуры северо-кавказских сообществ [14, с. 44–61].

В силу собственного исследовательского интереса мы увязываем эти модусы со стационарной и чрезвычайно востребованной на Северном Кавказе этнической идентификацией, без которой почти не осуществляются никакие социальные и политические отождествления [15]. Этничность как мощный идентификационный комплекс пронизывает все уровни социального и политического, а также и политико-управленческого структурирования [16]. В связи с этим обратим внимание на системные особенности этноидентификационных модусов гомогенизации политической культуры сообществ СКФО.

Геополитический модус детерминирован тем, что на сущность и проекции политической культуры локальных сообществ сильно влияет геополитический фактор. Северный Кавказ, как буферная территория евразийского Хартленда («срединной земли»), был и является зоной интересов многих стран: России, Армении, Азербайджана, Грузии, Турции, Сирии, Ирана, а также таких самопровозглашенных государств, как Южная Осетия, Абхазия и другие.

События в этнических сообществах СКФО одновременно проецируются в их диаспорную среду в других регионах России и в зарубежных странах. Зеркальные сюжеты социальной и политической природы, складывающиеся в «этнически родственных» государствах и территориях, волнуют все без исключения сообщества Северного Кавказа. Очевидной и реальной опасностью, которая была подтверждена в последние годы, является перенесение в регионы России конфликтных прецедентов, демаршей и рисков, а также террористических угроз, которые разворачиваются, в частности, в Армении, Азербайджане, Белоруссии, Грузии, Сирии, на Украине и так далее. Закономерно, что противоречия, конфликты, военно-политические столкновения и войны, манифесты, «цветные революции» по периметру границ нашей страны дестабилизируют гомогенизацию политической культуры сообществ как самого региона, так и гармоничное соотношение ее с политической культурой российской гражданской нации в целом.

При этом стоит прогнозировать дальнейшее геополитическое развитие общественно-политических отношений в регионе. Здесь рельефны этнополитические и этностатусные интересы не только автохтонных национальных сообществ (коренных, малочисленных, титульных, разделенных, репрессированных и реабилитированных, диаспорных и т.д.), но также и их сородичей и соответствующих общественных организаций (конгрессов, форумов, ассоциаций), которые действуют в зарубежных странах и имеют свои интересы в отношении внутривнутриполитических процессов России.

Этнотерриториальный модус определяется тем, что в политической культуре населения СКФО территориальные проблемы занимают значительное — практически первостепенное — место и являются одной из ос-

новых причин конкуренции, противоречий, а также этнических конфликтов. Все известные в политической практике и экспертно-мониторинговом банке северокавказские социальные противостояния, разногласие и межнациональные проблемы (осетино-ингушский, черкесский, ногайский, кумыкский, ауховский, чечено-ингушский, казачий и другие конфликты) происходят из ситуаций территориального дисбаланса, имеющих опасный «эффект домино».

Как показывает государственное и национальное строительство на Северном Кавказе в давние исторические периоды, новое и новейшее время, территориальные вопросы являются неизменными в противоречиях между этническими сообществами, а также в разногласиях между этносами и властью. Оставляя за «скобками» известные инциденты советской «административной нарезки» территорий, а также прецеденты территориальной реабилитации, необходимость которой была зафиксирована в Постановлении Верховного Совета РСФСР от 26 апреля 1991 года (вероятно, из лучших побуждений), отметим, что и современное воплощение территориально-статусных интересов народов региона (не только коренных народов, но и русского населения, казачества и диаспорных групп), оставляет желать лучшего и требует более оптимального подхода. Недавние попытки фиксирования и введения в Росреестр местоположения границ между субъектами Федерации СКФО привели к этнической мобилизации и массовым протестам населения Ингушетии, а также к «ползучим» межэтническим противоречиям и взаимным обвинениям сообществ СКФО в Дагестане, Северной Осетии — Алании, Ставропольском крае и Чеченской Республике.

Земельная проблема, обусловленная соответствующим дефицитом, «мозаичностью» и «чересполосицей» расселения этнических образований, спорностью территорий, а также и непродуманными политико-административными переделами, стационарна в общем проблемном поле гомогенизации политической культуры населения региона.

Этнократический модус объясним и функционален в пределах северокавказских этнократических систем, имеющих объективные детерминанты, но неоднозначные модели и модификации [17, с. 7–14].

Во-первых, по негласному «вертикальному» политическому соглашению кандидатами на посты глав республик являются, как правило, представители коренных и титульных этносов или «более титульного» народа (что происходит в бититульных субъектах Федерации — Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках), а на пост губернатора Ставропольского края — этнические русские. В российских условиях закономерно, что национальная и конфессиональная принадлежность (в гражданском паспорте подобные сведения не указываются) кандидатов может быть установлена только с их слов. Однако обычно участники электорального

процесса (как избиратели, так и функционеры) живо концентрируют и де-завуируют информацию об этнической принадлежности кандидатов, об их фамильно-родственных, клановых связях, разнообразных активах и, чаще всего, формируют группы поддержки по этническому признаку. Симптоматично, что ротация корпуса высших управленцев субъектов Федерации СКФО зачастую проводится федеральным центром также с учетом этнического фактора.

Во-вторых, опять же по негласному, но уже «горизонтальному» и гражданскому соглашению кандидатами на пост глав муниципальных образований также чаще всего выступают представители этнической группы, составляющей большинство на данной территории. Локальные отступления от выработанных общественных договоренностей и баллотирование на пост глав администраций муниципальных образований представителей «чужих» этнических групп рассматриваются избирателями как нарушение достигнутых сложносоставных уравнений конкурентных интересов и выражаются в протестах, саботировании выборов и даже в противоправных действиях, имеющих крайне нежелательные следствия (Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Ставропольский край).

Имманентно присущие этносам групповые и индивидуальные стратегии и тактики могут быть в той же степени оправданными и даже конструктивными, в какой — нецелесообразными и деструктивными. Но в любом случае они во многом вторгаются в ход гомогенизации политической культуры северокавказских сообществ, а также широко и публично применяются в субъектно-объектных управленческих практиках. Перспективы этнократии на фоне необходимости ответственного, проектного, инновационного управления при ротации и омоложении управленческих кадров вызывают существенные сомнения.

Модус этносоциального и этнополитического контроля обусловлен тем, что северокавказские сообщества в целом сохраняют многие традиционные свойства, имеющие историко-культурные, социально-экономические, ментальные основы, пронизанные этническими чертами [18]. Мы берем на себя смелость установить некую связь между северокавказской этноидентификационной реальностью и северокавказским этноидентификационным имагинарным (воображаемым) — мифологическим миром, который наполнен героическими и бытовыми образами.

Наряду с системой российского светского права и светской этики в региональных сообществах действуют негласные, но признаваемые морально-этические нормы этнического обрядового права, приверженность к которому прослеживается в разных социодемографических (в том числе и молодежных) группах. Более того, данное «право» презентуется его носителями как самобытный и убедительный региональный продукт. Оно представляет

собой яркий особый северокавказский «аргумент» со многими позитивными составляющими: уважение старших, крепость семьи, верность интересам рода, нерушимость данного слова, радушие к гостю, память о предках, сакрализация и героизация эпизодов народной судьбы, приверженность национальной кухне и так далее. Хранителями этого права выступают старшие, старейшины, авторитетные лица, главы родов, общин, диаспор. Они часто регулируют отношения в семье, клане, родовом и родственном сообществах, а также в соседских общинах. Также с разной степенью активности действуют шариатские суды, которые играют роль общественных регуляторов, медиаторов понимания и согласия в разрешении бытовых проблем и противоречий по принципу третейских и мировых судов и пользуются авторитетом у населения.

Держатели контроля над действенностью этнического обрядового права узнаваемы и гармонично включены в систему вертикальных, горизонтальных, сетевых патримониалистских, патронажных, патрон-клиентских, властно-клиентарных отношений. Такая включенность не только принимается, но и стимулируется региональными властями, которые усматривают в ней дополнительные резервы реализации своей политики и сопутствующие «приводные ремни» управления.

Отмеченные институты имеют и реализуют ресурс социального надзора, который в той или иной степени распространяется на население и дисциплинирует его. Этносоциальный и этнополитический контроль с разной степенью эффективности (в большей мере в Чеченской Республике, меньшей — Ставропольском крае) олицетворяется также в деятельности глав субъектов Федерации, этнических лидеров и конфессиональных лидеров епархий Русской православной церкви и духовных управлений мусульман, а также лидеров иных конфессий, руководителей организаций и предприятий. Он частично распространяется и на партийное строительство, межпартийную конкуренцию, гражданское ассоциирование, а также электорально-избирательный процесс, определяя ориентиры голосования. Неслучайно, что именно северокавказские регионы на выборах Президента России в 2012 году (Чечня — 99,7%) и в 2018 году (Кабардино-Балкария — 95%) продемонстрировали наиболее высокие показатели поддержки кандидатуры В.В. Путина, волевая и политическая маскулинность которого отчасти воздействует на гомогенизацию политической культуры сообществ СКФО.

Реестр общих проблем и перспектив гомогенизации политической культуры сообществ

Гомогенизация политической культуры сообществ СКФО в целом осуществляется в общем многоуровневом и многовекторном процессе гомогенизации политической культуры российской гражданской нации. *И если*

идеологами гомогенизации являются федеральная элита и Президент страны, то ее субъектами и одновременно объектами в СКФО выступают три конкурентных типологических корпорации, расположенные на разных уровнях условной иерархии влияния на общество.

Первая и самая влиятельная корпорация — главы субъектов Федерации (формальные, они же фактические региональные лидеры), властно-бюрократические институты, органы власти и управления. Они одновременно занимают ведущие позиции в региональных отделениях всероссийских политических партий, прежде всего, партии власти — «Единой России», на фоне которой иные партии, в том числе и парламентские) в общем комплексе партийности практически лишены конкурентного лица. Субъекты этой корпорации непосредственно обеспечивают гомогенизацию политической культуры региональных сообществ через упрочение российской гражданской идентичности в ходе реализации в СКФО государственной национальной политики в Российской Федерации. Члены корпорации (прежде всего, главы субъектов) подчеркивают фактор личной ответственности (и даже преданности) Президенту России, а также фактор его личного доверия, который определяет устойчивость позиций регионального управленца, что ярко прослеживается в электорально-избирательном процессе 2021 года.

Вторая корпорация, также весьма влиятельная — «вожди» (формальные и фактические) этнических и конфессиональных организаций, этнических движений, конгрессов, ассоциаций, форумов, в отдельных случаях, оппозиционные власти. Ее субъекты увязывают (опосредованно) гомогенизацию политической культуры региональных сообществ с решением чувствительных этноидентификационных проблем (территориальных, статусных, языковых, конфессиональных, ритуально-обрядовых). Члены данной корпорации часто нацелены на осуществление этнополитического реванша через влияние на властно значимые решения федерального центра и, тем более, властно значимые решения регионального политического истеблишмента. Ими в качестве технологий давления все чаще используются этнические форумы, конгрессы, манифестации, повестку которых определяют исторические и современные события этнической жизни, памятные, праздничные и траурные даты, мифологические сюжеты, сакральные объекты материального и нематериального культурного населения народов.

Власть заинтересована в союзе с такими активистами и стремится сформировать вокруг себя специальный актив лояльных «народных лидеров», которые способны стабилизировать ситуацию в целевых этнических группах в периоды конфликтных ситуаций.

Третья корпорация, менее влиятельная — лидеры иных общественно-добровольческих, гуманитарных, историко-культурных, экологических,

молодежных объединений, активисты локальных сообществ, а также правозащитники, часто оппозиционные власти. Субъекты этой корпорации своими силами и в своих векторах участвуют в оптимизации региональной политики, привлекают внимание власти к проблемам населения через поиск их решений. В известном плане именно члены этой корпорации обеспечивают сохранение и расширение сегмента публичной политики, предотвращают «бронзовение» власти и «партии власти», входя в противоречие с носителями официальных властных доктрин. Они часто прибегают к внедрению модернизационных практик PR, GR, общественного контроля, к стимулированию отзывчивости власти. Они активны в социальных сетях и блогах и часто организуют собственные информационные ресурсы целевой этноидентификационной направленности. Также в отдельных случаях эта корпорация играет роль несистемной оппозиции, не имеющей, впрочем, аутентичной политической программы, но все же организующей локальные протестные акции.

Некоторые обобщающие идеи

Производителем и определяющим субъектом политической культуры российской гражданской нации является метропольная политическая система, сущностно-структурное наполнение которой зафиксировано во многих результирующих научных идеях. Данная система «сверху вниз» спускается в периферию страны, вызывая к жизни региональные модели модификации политической культуры и в то же время унифицируя их. Параллельно в регионах поднимается встречное политическое движение «снизу вверх», которое корректирует федеральные модели и модификации политической культуры и включает в общероссийскую политическую повестку региональные сюжеты.

Гомогенизация политической культуры российской гражданской нации по факту осуществляется в пределах мощной исторической патриотической традиции. Народное здравомыслие профилактирует репетиции и премьеры социального и политического авантюризма. Сквозь многие жесткие политические трансформации российское общество пронесло самобытный социокультурный и гражданско-политический образ, который отражается в современной внутри- и геополитической архитектуре.

В то же время гомогенизация российской гражданской нации представляет собой очевидные сложности, имеющие объективные основания в силу существенных различий между субъектами Российской Федерации во всех сферах: экономической, политической, социальной, историко-культурной и ментальной. Идеи уравнивания качества жизни и социального самочувствия граждан в разных субъектах были программными ориентирами руководства СССР, но в то время не нашли своего полно-

кровного воплощения. В современной России отмечаются существенные различия между экономическими ресурсами, социальными инфраструктурами, рынками труда, уровнями жизни, минимальными зарплатами и, соответственно, наполнением «продуктовой корзины». С учетом таких различий большее значение для гомогенизации политической культуры россиян имеет единство принципов региональных политических режимов, а также регионального партийного строительства, партийного функционирования и электорально-избирательного стратифицирования, притом, отнюдь не в плане их бюрократической схематизации, а с позиции востребованных гражданами аутентичных идейно-концептуальных основ и доктринальных принципов. Здесь же подчеркнем, что гомогенизация политической культуры полиэтничной российской гражданской нации была бы бесперспективной без учета ментальных интересов отдельных этнических групп и национальностей.

Формирование и функционирование этноидентификационных модусов политической культуры россиян рассматривается нами без абсолютизирования, но в тесной взаимосвязи с российскими политическими институтами, процессами и технологиями. Это и позволяет конкретизировать проблемы включения северокавказских этноидентификационных модусов в гомогенизацию политической культуры российской гражданской нации, а в частности:

- расхождение доктринальных принципов российской гражданской и региональной этнической идентификации;
- противоречивость отдельных гражданских интенций политической культуры федерального масштаба и этнических интенций политической культуры северокавказского региона;
- неубедительность политических программ и политического функционала региональных отделений политических партий, в том числе и в сфере этнических интересов населения;
- равнодушие региональных сообществ к партийно-политической деятельности и электоральная пассивность населения;
- проникновение этничности в той или иной степени (не формально-легитимно, а фактически-предметно) в партийное строительство и в электорально-избирательный процесс;
- несостоятельность общественного авторитета отдельных персоналий политики, власти и управления, в том числе замешанных в коррупционно-клановых криминальных схемах;
- противостояние между главами регионов и некоторыми руководителями национально-культурных, религиозных организаций, общественными лидерами, правозащитниками;

– противоречия между модернизационным общественно-политическим трендом и тенденциями архаизации региональной и местной социальной организации.

Данные тезисы проблематизируют как северокавказские, так и иные региональные этноидентификационные модусы в гомогенизации политической культуры российской гражданской нации и предполагают сохранение и расширение исследовательского политологического поиска.

Список литературы

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. Политические исследования. 1992. № 4; Гражданское общество в России // Научная электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: <https://www.civisbook.ru/publ.html?id=3> (дата обращения: 01.03.2021).
2. Малинова О.Ю. Политическая культура в российском научном и публичном дискурсе // Полис. Политические исследования. 2006. № 5.
3. Овчаров В.С. Психолого-правовые средства формирования электорального правосознания // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 4.
4. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Формирование и отстаивание общественных интересов в России: от «административной» к партнерской модели // Полис. Политические исследования. 2015. № 5.
5. Шестопал Е.Б. Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами // Полис. Политические исследования. 2011. № 2.
6. Полный текст поправок в Конституцию: за что мы голосуем? // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/48045/> (дата обращения: 28.04.2020).
7. Зорин В.Ю. Записки политолога. М.: ИЭА РАН. 2018.
8. Гасанов И.Б. Причины и возможные последствия глобального невежества (II) // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 4.
9. Грязев А. Войны и голосования на фоне пандемии. Газета.Ru. 27.12.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/12/27_a_13416800.shtml (дата обращения: 10.03.2021).
10. Чадаев А. Путин: Наши ценности. М.: Эксмо. 2018.
11. Аствацатурова М.А., Горбунов А.П. Российская гражданская идентичность: идеи и практики политики, управления, образования. Пятигорск: ПГУ. 2019.
12. Петухов В.В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. № 9.
13. Послание Президента РФ В. Путина Федеральному Собранию РФ. 21 апреля 2020 г. Российская газета. RG.RU. Онлайн-трансляция Послания президента Федеральному Собранию. 21.04.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/04/21/onlajn-translaciia-poslaniia-prezidenta-federalnomu-sobraniuu.html> (дата обращения: 21.04.2021).
14. Полунов А.Ю. Этнополитические циклы в странах Запада и государственная национальная политика Российской Федерации // Власть, информационные

- технологии: основные тенденции современного политического развития / Под ред. А.Ю. Полунова. М.: АРГАМАК-МЕДИА. 2017.
15. Аствацатурова М.А. Этнополитика как искусство возможного. Теоретические идеи и практические проекции. М.: Московское бюро по правам человека. Academia, 2020.
 16. Заседание Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям 30 марта 2021 года. Президент РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65252> (дата обращения: 2.04.2021).
 17. Авксентьев В.А. Тенденции этнизации/деэтнизации общественно-политической жизни на Северном Кавказе: к постановке проблемы // Этнические проблемы современности: Вып. 25 / Научн. ред. Б.В. Аксюмов. Ставрополь: Изд-во СКФУ. 2020.
 18. Этноэтикет народов Северного Кавказа. Этнологическая библиотека. Вып. 2 / Под ред. В.А. Тишкова. М., Пятигорск: ИЭА РАН. 2014.